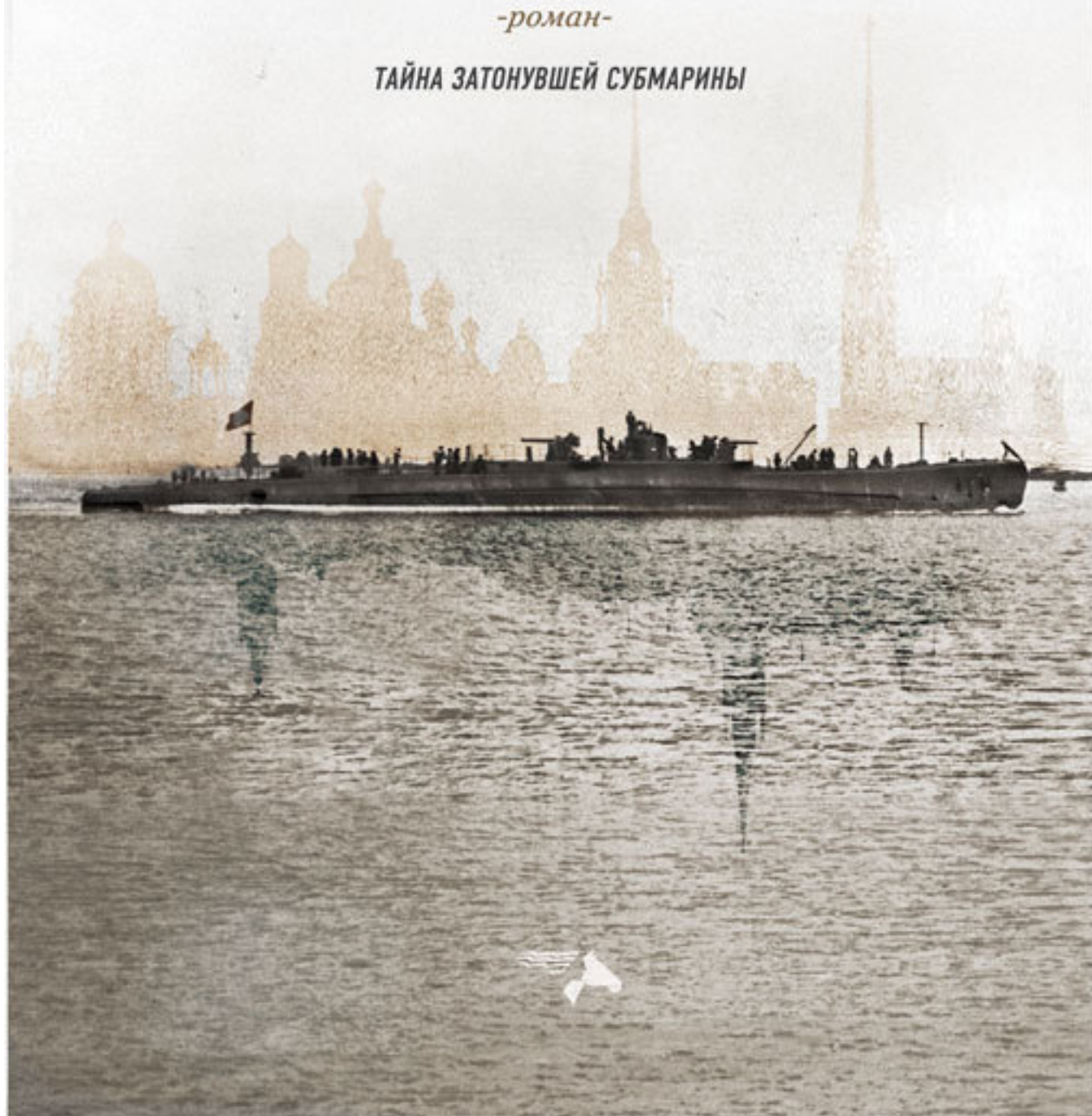

Алексей Смирнов

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ЛЕВ

-роман-

ТАЙНА ЗАТОНУВШЕЙ СУБМАРИНЫ

Алексей Смирнов

**Восемнадцатый лев. Тайна
затонувшей субмарины**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус)

Смирнов А. В.

Восемнадцатый лев. Тайна затонувшей субмарины /
А. В. Смирнов — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ",

Герои остросюжетного романа стокгольмского журналиста и писателя Алексея Смирнова — двое молодых людей, жизнь которых омрачает одинаковая черная тень: оба они потомки предателей. И дочь шведского шпиона, работавшего на СССР, и внук советского морского офицера, который в войну при трагических обстоятельствах простился с Родиной, пытаются понять причины, по которым их родные превратились во «врагов народа», и разгадать загадки, оставленные им в наследство. Начав собственное расследование, они оказываются между двух огней, на карту ставятся уже их собственные жизни. Секретный груз, покоящийся в затонувшей подлодке, тайна последней любви высокородной старухи, рассказ о жизни интернированных россиян («шведских советских») в Скандинавии, основанный на реальных фактах, — все это есть в романе, от чтения которого трудно оторваться.

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус)

© Смирнов А. В.

© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ"

Содержание

1	5
2	14
3	18
4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Смирнов

Восемнадцатый лев. Тайна затонувшей субмарины

1

Черт бы побрал этих малолетних придурков! Сорен Морель тряхнул головой, пытаясь прогнать дремоту. Низкая волна, бившая в скулу «Ориона», укачивала, точно садовый гамак. Темные очки лишь усиливали сонливость, но снять их он не мог: море бликовало тысячами зеркал, выставленных против пожелавшего заглянуть в его глубины пришельца. Судно двигалось по заданному курсу на автопилоте, и Сорену оставалось лишь наблюдать за экраном сонара. «Рыбка» эхолота летела над самым дном, на глубине около сорока метров, передавая в рубку изображение унылого пейзажа песчаной подводной пустыни, который не оживляли ни косяки селетки, ни скалы, ни обломки кораблекрушений. Пусто. Он бы давно свернул экспедицию и взял курс на Стокгольм, но продолжал прочесывать выбранный квадрат из упрямства, только бы не признаваться самому себе в проигрыше. Он представлял, как об него вытрут ноги газеты. Хорошо, если дело ограничится крошечной ядовитой заметкой в «Экспрессен» или «Афтонбладет» с подзаголовком типа «Известный морской исследователь Сорен Морель, соратник знаменитого Андерса Франзена, стал жертвой розыгрыша учеников пятого класса средней школы поселка Рунстен». Но ведь могут подключиться и серьезные издания, а то и телевидение сделает сюжет по подсказке врагов – их у него хватает. Подсуетятся, к примеру, прыткие ребята-аквалангисты, поднявшие груз коньяка с потопленного в 1916 году немецкого транспорта «Бремен», – Сорен судится ними уже второй год, ведь «Бремен», как и три десятка других судов, принадлежит его Фонду Балтийского наследия, купившему старинных «утопленников» за гроши у страховых компаний, – и пойдут СМИ полоскать «авантюриста, расходующего деньги спонсоров на сомнительные цели».

Как он мог купиться на приманку! Почему, вместо того чтобы разоблачить грубую подделку, он ласкал ее затуманенным взором влюбленного подростка?

Всеми виной мечта, которой Сорен жил уже лет тридцать: найти белоснежный «Юпитер», самый большой в XVI веке корабль на Балтике, и вырваться наконец-то из тени друга и учителя Андерса Франзена. Конечно, заслуженные лавры у того, кто разыскал на дне знаменитый шведский военный корабль «Ваза», никто не отберет, но Сорен, найди он «Юпитер», мог встать с Андерсом рядом. Ведь что бы он ни делал все эти годы – а экспедиции, которые проводил его фонд, в общей сложности принесли науке ничуть не меньше, чем сделал давно ушедший из жизни Франзен, – о нем упорно писали и говорили лишь как «о товарище Франзена». Сколько раз за эти годы перед глазами Сорена вставала одна и та же картина: окруженный врагами гигант с пробитыми ядрами парусами, утыканный абордажными крючьями, вдруг окутывается облаком взрыва и медленно, с развевающимися вымпелами и флагами, идет на дно. Сорен так часто думал об этой битве, что, как ему казалось, чувствовал зов затонувшего корабля. Множество раз он прочесывал дно возле восточного побережья Эланда в районе предполагаемого места сражения шведов с датско-любекским флотом 31 мая 1564 года, объезжал островных рыбаков, расспрашивая их, не цеплялись ли их тралы за какие-либо препятствия на дне, но «Юпитер» всякий раз ускользал от него. Море подбрасывало что угодно, от затонувших современных яхт до самолетов, сбитых во время Второй мировой войны (однажды попался даже смытый за борт и вросший в песок контейнер с велосипедами), не было лишь обломков черного мореного дуба и бронзовых пушек, которые могли навести на след «Юпи-

тера». Когда Сорен прочитал в эландском «Барометре» заметку о двух школьниках, нашедших на колокольне реставрируемой церкви в местечке Гэрдслеса выбитую на камне стрелу, он не сомневался ни минуты: сама судьба подала ему знак! Дети обнаружили стрелу под обвалившимся куском штукатурки в мае (как раз в том месяце, когда погиб «Юпитер»!). Это не могло быть простым совпадением. Сорен уже на следующий день после публикации прилетел в Боргхольм, а оттуда на взятой напрокат машине прикатил в Гэрдслеса. Руководитель реставрационных работ оказался в отъезде, отбыл на научную конференцию в Лунд, поэтому пришлось довольствоваться «экспертным» заключением бригадира строителей. Вместе они поднялись по лесам к вершине колокольни.

В глыбе серого природного камня, из которого была сложена выстроенная еще в XIII веке церковь, четко проступала нацарапанная вертикальная стрела размером в поллоктя. Прежде ее скрывал слой отвалившейся штукатурки, наложенной еще в XVIII веке. Собственно, вся церковь была в пятнах отставших кусков извести, поэтому ее и одели лесами, собираясь отреставрировать.

– Этот пласт отвалился ночью сам по себе, обычное дело, – пояснил бригадир, – рабочие сбивают штукатурку, повсюду трещины. Ребятишки забрались на леса в субботу, когда на площадке никого не было. Рисковали, конечно. Но ставка сторожа бюджетом не предусмотрена, а забор вокруг площадки сами видите какой. Одно название.

Сорен, впрочем, пропускал пояснения мимо ушей. Его взгляд был устремлен в море, туда, куда показывала стрела. Значит, Любекская хроника не просто пересказывала старую легенду. Он помнил эти слова наизусть: «Господь покарал шведов за гордыню, взяв у них «Юпитер», длина которого была так велика, что на десять футов превышала высоту собора Святого Петра в Любеке. Ценностей на нем было на многие сотни тысяч далеров, но ни шведы, ни мы, ни датчане не смогли потом найти место гибели «Юпитера», как ни старались. Говорят, что на стене церкви на Эланде шведы выбили стрелу, указывающую направление, в котором, как видели с берега местные жители, случился взрыв. Произошел он в полутора тысячах фамнов, если считать от церкви. Однако правда то или нет, неизвестно».

Хроника не уточняла, о какой из десятков церквей, которые располагались на восточном берегу Эланда, шла речь. Большинство из них сгорели или были полностью перестроены в последующие столетия. Сорен еще в конце 70-х осмотрел шесть выходивших на море храмов, которые пощадило время, но не нашел никаких знаков на их стенах. Повезло не ему, а школьникам.

Два дня, руководствуясь «перстом судьбы», протянутым из XVI века, он прочесывал прибрежные воды там, куда летела стрела на стене. Участок находился в 2670-2743 метрах от берега – в зависимости от того, какой фамн имел в виду неизвестный источник Любекской хроники, шведский, короткий, или английский, длинный. Однако улов был нулевым. Утром третьего дня, когда он уже собирался отчалить от деревянного причала в заливчике возле Капельдудена, где стояли несколько моторок местных жителей и пара яхт столичных путешественников, и расширить квадрат поисков, раздался звонок мобильного. Говорил его старый приятель, редактор «Барометра» Стефан Шьостранд. Голос его звучал виновато:

– Слушай, тут такое дело... Детишки нам подсунули «утку». Захотели прославиться и сами эту стрелу выбили. У них вчера в классе конфликт на почве раздела лавров случился, все и раскрылось. Мне только сейчас сообщили. Придется сегодня в номер ставить опровержение.

Несмотря ни на что, Сорен все же вывел «Орион» в море. Действовал он поначалу скорее по инерции. Трудно было сразу смириться с мыслью, что «Юпитер», который, казалось, вот-вот будет у него в руках, вновь растаял в дымке прошлого, точно и не было его никогда в действительности, а имелся мираж, сотканный воспаленным воображением охотника. Близилось отпускное время, новостей никаких, и Сорен Морель прекрасно представлял себе дальнейшее развитие событий. Стокгольмские газеты, которые в другой период, может, и пропустили

бы событие местного значения, на этот раз как-нибудь да откликнутся на розыгрыш, жертвой которого стал «друг знаменитого Франзена». Нет, немедленно сворачивать поиски и брать курс на север он просто не мог. Нужно было найти хоть что-нибудь, чтобы иметь возможность сказать: «В историю со стрелой я и сам не слишком верил, но почему бы не проверить заодно? Главная цель экспедиции состояла в...» Ну, а дальше все зависит от того, что покажет эхолот.

– Сорен, кофе будешь? – в рубку поднялась жена. На руках у нее съежилась и скулила левретка. – Может, сменишь курс? Тоби тошнит от бортовой качки. Теперь-то уже все равно, куда плыть.

Дети давным-давно выросли, и Сара участвовала во всех экспедициях мужа, превратив бывший немецкий буксир в подобие их уютного домика в Сольне. Стены кают-компания обросли семейными фотографиями, стол покрывала вязаная льняная скатерть, у иллюминатора, схваченный бронзовым обручем, устроился горшок с фиалкой. Сара побоялась оставить хилое растение, с трудом пережившее зиму, на попечение соседей. Поначалу Сорен боролся с попытками жены превратить «Орион» в сухопутное гнездышко, но вскоре понял бесполезность своих усилий. Сара была хорошим матросом, даже в дизеле разбиралась, а кроме того, за сорок лет совместной жизни Сорен так привык к ней, что не мыслил себе заменить ее в море чужаком. Разве попросишь мужика помассировать тебе спину, разве пожалуешься, что опять прихватил геморрой?

– Не расстраивайся, – Сара подошла сзади и свободной рукой мягко обвила его шею. – В конце концов, в истории было много ошибок, которые приводили к большим победам. Вон, тот же Колумб... Искал Индию, а открыл Америку.

– Где она, наша Америка? – Сорен обреченно ткнул в экран монитора, куда выводилось изображение с парившей над дном сонарной «рыбки». – Видишь, сплошной песок. Только верблюдов не хватает.

– Что ты на него так злишься? Однажды он тебе здорово помог, – рассудительно заметила Сара. – Вспомни, если бы не песок, то не ты, а эти ребята из «Марин Эксплорер» нашли бы «Красного дракона».

– Там глубины были меньше. Метров двадцать. Волны свободно перемещали «барханы» на дне, – заметил Сорен. Напоминание о «Красном драконе», как всегда, подняло его настроение. Сара знала, как вернуть ему боевой дух. – Но все же ты права. «Юпитер» взорвался, как и «Дракон», а значит, целого остова нет, только отдельные бревна, остатки обшивки, пушки. Слой песка может все это покрывать десятилетиями, а потом, после шторма, прраз – и открылась коробочка. Да, мы тогда «Марин Эксплорер» хорошую пиллюлю вставили. Ведь они над «Драконом» несколько раз проходили и даже с их-то оборудованием ничего не нашли. Песок тогда принял нашу сторону.

– Вот видишь, – подхватила Сара. – Уж если мы все равно здесь, давай попробуем пройти один из квадратов с глубинами до тридцати метров, вот здесь хотя бы. – Она показала на очерченное синим карандашом пространство на карте с многочисленными пометками. – У тебя ведь есть три свидетельства современников, что «Юпитер» взорвался тут. К тому же идти туда около часа, качка будет килевая, и Тоби придет в себя.

Сорен еще раз окинул взглядом карту, которую знал наизусть. За многие годы поисков он локализовал два десятка возможных районов гибели «Юпитера», отталкиваясь от дневниковых и летописных свидетельств, показаний рыбаков, тралы которых зацепились за что-то на дне, и собственных предположений.

Квадрат, предложенный Сарой, он никогда не обследовал, доверившись военным. Впрочем, все может быть. Песок и тут мог сыграть шутку.

– Они же там все перевернули в 36-м году, когда искали упавший самолет. Сонаров, конечно, у них тогда не было, но десяток кораблей с тралами – это тоже кое-что. Самолет ведь нашли, – не слишком уверенно возразил Сорен.

Внутренне он уже согласился с доводами жены: надо идти на один из участков с малыми глубинами, пусть и проверенный однажды. Слой песка в этих местах достигает двадцати метров, движущиеся подводные горы способны спрятать что угодно.

Вот только куда направить «Орион»? Туда, где он сам побывал однажды, или «в детскую песочницу», где все было просеяно военными? Решение подсказал деликатно поскуливавший на руках жены Тоби. Пусть хотя бы одному члену экипажа новый курс принесет радость! Сорен пожалел седого пса, уже двенадцать лет мужественно выдерживавшего приговор: судьба отдала его в руки хозяев, имевших странную привычку выгуливать питомца не по дорожкам возле дома, а по морской зыби. Штурвал слегка повернулся вправо – на квадрат, условно обозначенный как «упавший самолет, 1936». Болтанка сразу уменьшилась.

На новом участке поиска все повторилось. Блики, зыбь, подводная пустыня. Берега не было видно даже в бинокль с восьмикратным увеличением. А ведь любекский пастор Эразмус Штольц с парусника «Гавриил», команда которого участвовала в abordage «Юпитера», писал в своем дневнике: «Гордый шведский корабль, своими немислимыми размерами бросивший вызов самому Господу, окутался черным облаком взрыва, и в небо, точно запущенная стрела, улетела его фок-мачта. С того места, откуда я наблюдал за гибелью этого Голиафа, был виден шпиль церкви на острове Эланд, что невольно навело меня на мысли о знаке Господа нашего, покаравшего шведов за несправедливую и жестокую войну, начатую ими».

Восьмой разворот. «Орион», точно трактор, вспахивающий плугом поле, двинулся по новой полосе. Когда-то такие многочасовые унылые прочесывания дна, составляющие основную часть работы исследователя, занятого поисками затонувших кораблей, навсегда перечеркнули мечты Сорена о создании «династии». Ни сын, ни дочка, несколько раз побывавшие в семейных экспедициях, не вдохновились занятием родителей. Эрик стал физиком и уехал в Штаты, а Анна выучилась на дизайнера и переехала в Лулео, поближе к саамам, традиции которых вдохновляли ее на создание коллекций одежды.

– Стоп машина! Малый назад! Стоп! – крикнул Сорен в переговорную латунную трубку: старый «Орион», построенный в 20-е годы, еще сохранил, несмотря на переоборудование, отдельные архаичные элементы конструкции, которыми капитан и его матрос очень гордились.

Машина «Ориона» отработала задний ход, вернув судно туда, где «рыбка» вывела на экран странную вытянутую тень на дне, не похожую на остов затонувшего судна.

– Корпус самолета, но без крыльев? – предположила Сара, поднысывая в рубку из трюма. Она неплохо разбиралась в сонарных изображениях, но подобных еще не встречала. – Крылья могли отвалиться при ударе о воду, но длина тени слишком велика, метров двадцать. Это не может быть наш «Юнкерс», который военные искали в 36-м, тем более что они утверждают, будто его подняли.

– Похоже на гражданский лайнер, но в этом квадрате после войны самолеты не падали, – Сорен сменил изображение на экране с черно-белого на цветное, увеличил его, развернул.

Тень на дне, без признаков надстроек, несмотря на все проведенные с ней манипуляции, понятнее не становилась.

– Придется нырнуть. Не волнуйся, тут всего 26 метров, ерунда даже для такого старикашки, как я, – Сорен сполз с насиженного шкиперского кресла на вращающейся тумбе, направляясь к трапу, ведущему вниз. Там, в отгороженном закутке кают-компания, хранились акваланги.

– Нет! – Сара, несмотря на полноту, проявила удивительное проворство, успев перегородить ему путь. – У тебя давление, тебе уже 62 года. Забыл, что врач сказал: нырять только с внуками в бассейне, не глубже семи метров.

– Внуков у нас еще нет, так что приговор ошибочный, – попытался отшутиться Сорен, однако увидев, что жена настроена решительно и не намерена расцеплять руки, которыми она обхватила поручни трапа, взял ее за талию и потянул на кожаный диванчик, стоявший в рубке.

– Сара, сядь, давай обсудим ситуацию.

Жена, убедившись, что опасность временно миновала, последовала за Сореном, готовясь обрушить на него десятки железных аргументов, доказывавших дикость его намерения пойти на глубину.

– Жenuшка, ты знаешь, что я тридцать лет ищу «Юпитер». Когда ты поплыла со мной сейчас, ты разве не думала, что, найди мы его, я непременно отправлюсь посмотреть на чудо, которое мне снится по ночам? Ты что, надеялась, что я утешусь сонарным снимком, а потом приглашу кого-нибудь из молодых, чтобы он первым дотронулся до моей мечты? Ты сейчас скажешь, что лавры первооткрывателя у меня никто не отнимет, так я тебе отвечу: это ошибка, которую я с детства зарекаюсь повторять. Помнишь, я тебе рассказывал: отец мне привез из Англии спиннинг, тогда они в Швеции были еще в диковинку, и я поймал им здоровенную щуку – летним полднем, совсем рядом с пляжем, где было полно народу? И приятель, Свен, увидев добычу, прямо извел меня: «Дай хоть что-нибудь понести, или спиннинг, или щуку». Я прикинул: у кого инструмент промысла, тем более такой великолепный, тот и герой. И вручил ему рыбу. Только когда мы пришли на пляж, я понял, как ошибся. Герой тот, у кого добыча. Все внимание было приковано к Свену, а я при нем оказался вроде оруженосца. Я не хочу снова стать оруженосцем. Я должен сам держать свой улов.

– К чему ты это рассказываешь? – Сара, терпеливо выслушав монолог супруга, теперь не скрывала раздражения. – Объект на дне не может быть «Юпитером», ты это сам прекрасно знаешь.

– Значит, на «Юпитер» ты бы меня пустила?

– Да ты ж его не нашел, о чем говорить!

– Вот, я воспринимаю эти слова как частичное признание. Значит, при определенных обстоятельствах ты бы не возражала, если бы я надел акваланг. Ну, Сара, глубина же ерундовая. К тому же, ты сама знаешь, нам нужен результат. Там что-то интересное. Одно погружение, я обещаю. Я сделаю видеосъемку, и нам будет чем заткнуть рот газетам. Ведь речь идет о сохранении нашего фонда!

Сара, вместо того чтобы выстрелить очередную возмущенную тираду, без сил опустилась на кожаный диван. В рубке стало слышно, как тихонько похрапывает Тоби, который по-стариковски задремывал в любое время дня. Сорен опять провел ее. К тому же, он прав – возвращаться с Эланда, имея на руках один сонарный снимок неизвестно чего, невозможно. В Стокгольме их сожрут.

– Хорошо. Пообещай, что не больше двадцати минут, – выдавила из себя Сара.

Чего лукавить, она поняла, что Сорен будет нырять, уже в тот момент, когда они грузили на борт акваланги, отправляясь к Эланду.

– Знаешь, если бы там был «Юпитер», я бы согласился нырнуть с баллонами, заполненными вонью с нашей кухни, когда у тебя на Рождество сгорел в духовке свиной окорок, – вынув загубник изо рта, прокричал Сорен. Он был счастлив, словно мальчишка, которому удалось сбежать с уроков.

Сара лишь махнула ему рукой, сказать что-нибудь язвительное в ответ у нее не было сил. Она кляла себя, что уступила и согласилась с доводами мужа. Надо было ей сравнить газовую смесь из баллонов, и будь что будет!

Всплеск – и Сорен спиной вперед бултыхнулся в воду, провожаемой двумя парами глаз: встревоженными – Сары и любопытными – Тоби. Песик знал по опыту, что хозяин обязательно достанет ему со дна какую-нибудь штуку, чтобы он мог порычать на нее, а потом покорить, ухватив зубами.

Видимость для Балтики была превосходной, не менее десяти метров. Зеленоватую воду пронизывали солнечные лучи. Сорен опускался по буйрепу, сброшенному с якорем с «Ориона». Сердце колотилось сильнее обычного. Настроение было превосходным, все земные

неприятности остались там, наверху. Это были мгновения предвкушения встречи с неизвестным, составлявшие главный смысл его жизни. Если уж суждено когда-то умереть, то лучше внезапно и в один из таких моментов.

Внизу открылось песчаное дно, изборожденное легкой рябью: работа волн, достававших в шторм эту глубину. Впереди и правее на дне темнела какая-то масса. Сорен, оставив лить, поплыл к «тени самолета», как они с Сарой окрестили сонарное изображение. Но это был не самолет. Перед глазами выросла подводная лодка, глубоко, почти до самой рубки ушедшая носом в песок. Из-за этого она и казалась на снимке небольшим объектом почти самолетной длины. Субмарина воткнулась в дно под углом примерно в тридцать градусов. Проплыв вдоль ее корпуса, Сорен добрался до бронзовых лопастей двух винтов, с которых свисали, точно куски савана, обрывки рыбацких тралов. Немецкая, русская, английская? Подплыв к кормовому оружию, он очистил рукой в толстой перчатке казенную часть от водорослей и донных отложений. В ярком свете фонаря отчетливо обозначилось клеймо: серп и молот, звездочка. Лодка «заговорила». А вот и продолжение истории русской субмарины. Рубку украшало обозначение, изготовленное из какого-то металла: «С 28». Сорен провел перчаткой по одному из приваренных знаков примерно метровой высоты, металл заблестел. Скорее всего, латунь. В отличие от некоторых знакомых ему шведских дайверов, Сорен специально не занимался охотой за затонувшими субмаринами, его интересовали три столетия расцвета парусного флота, с XVI века по XVIII: большие военные корабли, украшенные богатой резьбой и вооруженные бронзовыми и чугунными пушками, которые сами по себе представляли произведения искусства. В своей любви к позднему Средневековью и великолепным галеонам он был солидарен с Андерсом Франзенем, полагавшим, что «пировать» морской археолог может, лишь окунувшись в эту эпоху. Все остальное – лишь «закуска», и то на любителя. Тем не менее Сорен считал делом профессиональной чести держать в голове все известные районы гибели на Балтике значительных судов любых эпох, от ганзейских коггов до сухогрузов послевоенного времени. Подводные лодки входили в этот список. Ни одной из них в его «архиве под черепной коробкой» не значилось. Он взглянул на светящийся циферблат часов: двадцать минут на дне. Сара уже волнуется, да и в затылке стала подниматься пульсирующая боль. Врач был прав, с глубиной пора попрощаться. Сорен решил в последний раз пройти вдоль лодки, на этот раз у другого ее борта, наклоненного ко дну. Проплывая над палубой, он обнаружил открытый кормовой люк, который, словно разъятая пасть глубоководного чудовища, терпеливо ждал свою жертву. Нет, ловушка, ищи другого дурака! Протиснуться внутрь можно лишь сняв акваланг, это приключение для сумасшедших. В корпусе под рубкой, с правой ее стороны, где обозначений не было, зиял прямоугольный вырез. Взрыв мины, сорвавший лист обшивки внешнего корпуса? Подплыв ближе, Сорен пристально рассмотрел странную рану на теле субмарины. Вот это да! Похоже, кто-то поработал автогенем. Ровный проем был значительно меньше, а вернее уже расстояния между шпангоутами, к которым крепились листы. Взрывная волна теоретически могла оторвать кусок стали только по периметру его крепления, в самых слабых местах. Дверь, вырезанная подводной сваркой, вела в командирскую каюту. Заплыть внутрь, однако, можно было, опять же, только избавившись от акваланга. Из темноты торчали рваные куски перевитых стальных труб.

Двадцать пять минут на дне. Все, пора. Уже собравшись всплывать, он увидел, как что-то блеснуло при свете фонаря в куче песка, намытого возле самого проема. Лихорадочно работая руками, Сорен разгреб холмик, потянул. Это была буква «С», отвалившаяся от рубки, и цифра «2». В образовавшейся яме торчал еще один кусок металла овальной формы, легко вышедший из своего мягкого убежища. На этот раз добычей стала цифра «8». Сорен повел видеокamerой, снимая всю панораму: рубку, верхняя часть которой рельефно обрисовывалась в светлых, пронизанных солнцем слоях воды, загадочный вырез в корпусе и, наконец, обозначения «С», «2» и «8», которые он рядышком положил на песке.

Потом, повинувшись мгновенному импульсу, он схватил тяжелую восьмерку и лишь тогда, вместе с этим доказательством уникальности своей находки, приступил к подъему. Конечно, брать что-то с «территории зарубежного государства», каковой считался военный корабль, было запрещено, но обозначения лежали рядом с остовом, а значит, формально он не провинился. Главное, необходимо было отвлечь Сару от его собственного преступления: как-никак на дне он пробыл целых полчаса. Но женщины любопытны, и предъявление металлической цифры могло спасти от хорошей семейной ссоры.

Скандал все же состоялся, правда, в отложенном режиме. Сорен еле взобрался на подъемник, опущенный с кормы.

– Там подлодка, русская, – едва сумел выдать он, грохнув на палубу восьмерку, показавшуюся ему свинцовой.

Его тошнило, голова раскалывалась. Сара помогла мужу раздеться, уложила его на кожаный диван в кают-компанию, заставила проглотить таблетку и на час оставила в покое. Лишь убедившись, что прямая опасность здоровью «безумного эгоиста» не угрожает, она выпустила по нему весь заряд эмоций.

– Ты хоть понимаешь, до чего ужасны были эти полчаса, когда я уже думала, что стала вдовой?

– Сара, ты никогда не дружила ни с логикой, ни с математикой. Ты могла строить планы на веселое вдовство только десять минут. Ведь на двадцать минут отсутствия мы с тобой договаривались, – рассмеялся Сорен, которого, несмотря на мелькнувшую перед ним тень костлявой, не покидало хорошее настроение: теперь он знал, как оправдать эландскую экспедицию и завербовать на свою сторону газетчиков.

– Возможно, у меня плохо и с тем и с другим. А вот ты вдруг почему-то перестал дружить с законом. У тебя что, есть разрешение Кальмарского губернского управления на подъем артефактов с военного корабля, являющегося собственностью России? Ведь ты лучше моего знаешь, сколько людей только и ждут, чтобы дискредитировать тебя, – сухо напомнила Сара.

– Ладно, не злись! Я виноват, прошу прощения. А что касается закона, то, если повезет, мы сейчас запустим небольшую машину времени.

Сорен набрал номер на мобильнике и бодро прокричал в трубку:

– Лейф, привет, старина. Тебя что, Лиза по ошибке заснула в барабан стиральной машины вместе с зеленым свитером, который ты никогда не снимаешь? Такой грохот, будто уже включен режим центрифуги... А-а-а, понятно! Я бы и сам не прочь сейчас мчаться в кабриолете с открытым верхом по автобану к оливковым рощам Италии...

Не прекращая болтать, Сорен перешел на корму, чтобы Сара не встревала в разговор и не мешала ему плести интригу. Минут через двадцать он вернулся и торжествующе сообщил:

– Я всегда подозревал, что Фортуна – девушка привязчивая. Стоит ее однажды уговорить, и она от тебя не отстанет. Губернский антиквар обкатывает свой новый «Мерседес» на его родине в Баварии и в данный момент направляется с женой в Италию. У него третий день отпуска и прекрасное настроение. Он мне дал устное разрешение на подъем металлического объекта в форме цифры восемь с неизвестной субмарины для проведения обследования, которое может помочь в ее идентификации. Вернется – оформит документально. Так что я сейчас нырну, чтобы выполнить предписание властей.

Сорен сделал вид, будто направляется к аквалангу, Сара испуганно вскрикнула, схватив его за рукав. Потом сообразила, что он ее дразнит, и шлепнула «мальчишку» по затылку:

– Все, хватит мне нервы трепать. Будем считать, что твоя машина времени сработала. Давай, капитан, бери курс на Стокгольм.

«Орион» уже третий час бодро бежал на восток, к своему престижному причалу на Статсгордене (его выбил у городских властей незадолго до своей кончины сам Андерс Франзен), когда затонувшая русская подлодка дала Сорену Морелю новую пищу для размышлений.

Сара, осторожно постукивая молотком, выбила распиравший внутреннюю часть верхнего овала «восьмерки» продолговатый предмет, обросший донными отложениями и водорослями. В серо-зеленом коконе наслоений пряталась ложка с выгравированными на черенке инициалами «М» и «Г».

– Похоже, это начальные буквы имени и фамилии кого-то из членов экипажа, – предположил Сорен, разглядывая находку жены. – Если повезет, мы сейчас узнаем, кто это может быть.

В судовой библиотечке «Ориона» среди десятков книг по морской тематике, в основном справочников, имелись и русские. Одну из них, «Экипажи боевых кораблей КБФ 1941-1945 г. Часть третья», озаглавленную «Моряки-подводники», Сорен и принялся листать. В молодости он отслужил срочную в Упсальской школе военных переводчиков, и после года муштры, когда на шведском было запрещено не только разговаривать, но даже думать, довольно неплохо выучил язык вероятного противника. Сейчас, спустя более четырех десятков лет, в голове кое-что осталось, чтобы понимать тексты на русском и поддерживать простейший разговор, особенно если он велся в форме допроса. «Если вы согласитесь с нами сотрудничать, вам будет сохранена жизнь», – этой фразой, произнесенной почти без акцента, он еще месяц назад едва не обратил в бегство в аэропорту «Арланда» группу русских коллег, приехавших в Стокгольм на конференцию по морской археологии.

В разделе «Экипажи средних подводных лодок» «С-28» присутствовала, но вот человека с инициалами М. Г. в списке ее команды не оказалось. Сама «эска» значилась не вернувшейся из боевого похода в августе 1942 года. Согласно книге ей была поставлена задача по постановке мин в Ирбенском проливе. Почему она пересекла Балтику и оказалась у Эланды, неизвестно.

Заинтригованный Сорен отправил за штурвал Сару, а сам принялся страница за страницей листать справочник, заполненный таблицами со списками личного состава подводных лодок КБФ. Краснофлотец с инициалами М. Г. обнаружился на другой «эске», значившейся под номером «27»: старшина-моторист Максим Григорьев 1915 г.р.

«С-27», как и «С-28», вышла из Ленинграда в августе 1942 года с заданием действовать на коммуникациях противника в Аландском море. На базу лодка не вернулась.

Когда Сорен поднялся в рубку и сообщил жене о результатах своих изысканий, та лишь пожала плечами:

– Что тут удивительного? Война. Людей наверняка часто переводили с корабля на корабль, нужно было замещать больных, раненых, убитых. Сомневаюсь, чтобы все это тщательно документировалось, особенно у русских. У них и в мирное время отчетность никуда не годится. Сам сто раз жаловался, когда мы с ними совместную экспедицию в Выборгском заливе проводили.

– Там небрежностей с документами как раз не было, парни занимались очень продуманными приписками. Забыла, чем мы склад на берегу оплачивали? Излишками дизтоплива, – вскинулся Сорен.

Впрочем, он был вынужден признать правоту жены. Действительно, загадка ложки, скорее всего, объяснялась вполне прозаическими причинами.

– Ладно, возьмем ее себе в коллекцию и никому не скажем. Все равно у нас разрешение на подъем только цифры восемь и ничего больше, – определился Сорен.

В целом капитан «Ориона» был законопослушным человеком и много лет вел борьбу в СМИ с подводными грабителями, тащившими с затонувших кораблей все, что представляло хоть какую-то ценность, но самому себе не мог отказать в маленькой слабости: он окружил себя недорогими и не представлявшими исторической ценности столовыми приборами, предметами, напоминавшими о многочисленных экспедициях прошлых лет. Кофе он заливал в алюминиевый кофейник с оттиском орла со свастикой в когтях (память о найденном немецком эсминце, подорвавшемся в 1941 году на mine возле острова Сааремаа), а ел с белой фарфоро-

вой тарелки с клеймом Rorstrand, обнаруженной на камбузе шведского рудовоза, затонувшего в шторм в 1890 году в Ботническом заливе.

2

В Стокгольме поначалу все пошло так, как Сорен и предполагал. Пресс-релизы и снимки подлодки, посланные в газеты и на телевидение еще с борта «Ориона», сделали свое дело. Никто не упомянул о фальшивой стрелке на стене старой церкви. Солидные дневные газеты сдержанно изложили историю успешной экспедиции «известного исследователя и соратника Андерса Франзена» по поиску возле Эланда советской подлодки, о которой ему стало известно благодаря «обширным контактам в России и индикациям местных рыбаков». Как водится, статьи сопровождалась комментариями историков и отставных военных, напоминавших читателям о попытках советских подводных лодок в годы последней войны остановить перевозки железной руды из Швеции в Германию. Вечерние таблоиды дали мало текста и много иллюстраций. Содержательная часть была построена с перевесом на современность, причем использовалась та же «колода экспертов», что и в случае с дневными изданиями. Тут комментаторы сосредоточились на послевоенных вторжениях советских подводных лодок в территориальные воды Швеции, что выглядело не слишком логично, но было правильно с точки зрения возбуждения интереса широкой публики, которую больше волнует сегодняшний день, чем дремучая история.

Казалось, все сошло благополучно. Удар был нанесен тогда, когда Сорен уже записал Эландскую экспедицию себе в плюс. Через две недели после возвращения в Стокгольм его пригласили на телевидение поучаствовать в круглом столе о проблемах морской археологии на Балтике. Сначала все катилось как по рельсам, дело ограничивалось общей дискуссией, в которой молодая беременная ведущая, ранее специализировавшаяся на развлекательных реалити-шоу, изо всех сил пыталась утвердиться в новой для себя роли серьезного журналиста. «Давай, девочка, старайся! Ведь тебе еще не скоро снова по пальмам в “Робинзоне” лазить», – поощрительно думал Сорен, вполуха слушая унылое токование «кабинетного дайвера» Вильгельма Торнквиста, только что получившего профессорскую кафедру в Седернторской высшей школе. Его интересовало, что делает в студии третий участник программы, коммендор Леннарт Линдبلاد, скромно перелистывавший последнюю монографию Торнквиста об особенностях конструкции североевропейских каравелл конца XVI века, которую тот притащил на телевидение с тщеславным намерением сдвинуть продажи своего занудства с мертвой точки.

Присутствие представителя ВМС объяснилось, когда ведущая перешла к проблеме «частного спонсорства в исследовательской работе, заставляющего уважаемых ученых любой ценой стремиться к яркому успеху».

– Ваша организация финансируется главным образом за счет пожертвований компаний и отдельных лиц, причем доля частных спонсоров постоянно растет, – наставила ведущая свои имиджевые очки (ранее ни в «Робинзоне», ни в «Гладиаторах» Сорен ее в очках не видел) на главу Фонда Балтийского наследия. – Непрофессионалы, дающие деньги, зачастую не могут правильно оценить научную ценность той или иной работы. Они лишь пожмут плечами, взяв в руки, к примеру, этот неброский с виду, но основательный и во многом революционный труд, – ведущая, потянувшись, приняла из рук военмора «Сравнительный анализ конструкций голландских и североевропейских каравелл XVI века» и показала его в камеру, – и охотно раскроют кошельки, если им пообещают найти, к примеру, «Юпитер», набитый золотом и скелетами. Не кажется ли вам, что исследователи, которые ищут всеобщего признания, вольно или невольно обедняют науку, делая из нее своего рода шоу для широких масс?

– Если руководствоваться вашей логикой, то все великие открытия совершили шоумены, будь то Белл со своим телефоном или братья Райт с аэропланом, поскольку они когда-то восхитили миллионы людей, – принялся терпеливо объяснять начавший раздражаться Сорен. Он старался не смотреть на ухмыляющегося «кабинетного червяка» Торнквиста, который явно

заранее набил пустую голову спортсменки своими соображениями по поводу «настоящих ученых» и «авантюристов, выдающих себя за таковых». – Если взять морскую археологию, то Андерс Франзен, не имея специального образования, сделал для науки больше, найдя «Вазу», чем десятки так называемых профессионалов, которые годами могут анализировать единственный шпангоут, принесенный им в кабинет в чистой упаковке с розовой ленточкой.

Торнквиста едва заметно передернуло. Обломок шпангоута в подарочной упаковке он лет десять назад получил в день рождения именно от Сорена Мореля, который тогда покровительствовал молодому кабинетному ученому и пытался пробудить его к «настоящей жизни». С того момента Торнквист и возненавидел «паяца, не имеющего даже высшего образования».

– Что же касается «Юпитера», – продолжал Морель, – он может стать балтийской «Троей». Это был самый большой, самый красивый корабль на Балтике в XVI веке. Возможно, даже самый большой в мире. Только подумать, что это чудо создали в эпоху, когда еще не знали чертежей! Все делалось на глазок, мастер полагался лишь на опыт и интуицию. Модель корабля – это все, что имелось в его распоряжении. «Юпитер» был трехпалубным и при этом обладал прекрасными мореходными качествами, а ведь даже сто лет спустя трехпалубные корабли были редкостью. Вот тот же корабль начала XVII века, «Вазу», перестроили с двухпалубного в трехпалубный, и он перевернулся. Представляете, какую пищу для работы ученым самых разных направлений может дать «Юпитер»? – Сорен, как всегда, когда заговаривал о корабле своей мечты, вдохновлялся, невольно повышал голос, начинал жестикулировать. «Токовал», как шутливо характеризовала его состояние супруга Сара.

– Хорошо, хорошо, сдаюсь и готова тут же раскошелиться, присоединившись к числу ваших спонсоров, – подняла руки ведущая. – Вы умеете убеждать, и «Юпитер» действительно поражает воображение даже непосвященных людей. Прекрасный объект поисков для организации, финансирующей на частные средства. Хотя, возможно, эти деньги могли бы пригодиться в более скромных, но не менее важных областях исследований. Не кажется ли вам, что одержимость «синей птицей» плюс желание удовлетворить наивных жертвователей может вскружить голову даже такому уважаемому исследователю, каким являетесь вы, лишив его возможности трезво оценивать ситуацию?

С этими словами ведущая извлекла из лежавшей перед ней папки газету «Барометр».

– Здесь у меня две статьи из местной эландской газеты, – интригуяюще проворковала она в камеру. – В первой говорится о находке учеников местной школы. Почти под самым шпилем реставрируемой церкви они якобы обнаружили выбитую на камне стрелу. По некоторым историческим источникам, она указывает на место гибели «Юпитера». А вот это – другая заметка из той же газеты, появившаяся десять дней спустя. Это опровержение предыдущей информации. Стрела – розыгрыш ребятишек, жертвой которого стал наш сегодняшний гость Сорен Морель. Газета приносит ему извинения за то, что невольно стала причиной его бесполезной экспедиции к берегам Эланда.

– Любому специалисту, в какой бы сфере он ни работал, приходится иногда вставать на дорогу, которая заканчивается тупиком, – терпеливо объяснил Сорен, который, хотя и не ожидал такого поворота разговора после своей удачи с подлодкой, в принципе был готов к нему. – Тем не менее я должен подчеркнуть, что не стал бы тратить средства многочисленных друзей нашего фонда, отправившись в дорогостоящую экспедицию лишь ради того, чтобы проверить очередную версию, связанную с «Юпитером». Не хотелось бы, чтобы после разговора в этой студии у аудитории сложилось превратное впечатление, будто здесь сидит седой мальчишка, одержимый одним-единственным кораблем. Вам, вероятно, известно, что мы нашли советскую подводную лодку. Ее обнаружение и являлось приоритетной задачей, которую мы выполнили.

В этот момент сидевший с отсутствующим видом коммендор подал признаки жизни, повернулся к ведущей и откашлялся.

– Еще минутку, Леннарт, – мягко остановила его ведущая и, заглянув в лежащую перед ней шпаргалку, продолжила разговор. – История с этой подлодкой, собственно, является еще одной иллюстрацией моей мысли о том, что научный поиск, рассчитанный на массовое признание и, соответственно, на получение обширного частного финансирования, выходит за допустимые этические рамки. Выбор субмарины в качестве объекта поисков сам по себе вызывает сомнения, учитывая, что этот тип кораблей привлекает в Швеции особенное внимание как СМИ, так и общественности. Не секрет, что наша страна страдает «субмариновой болезнью» из-за многочисленных инцидентов, подводных вторжений в наши территориальные воды. Исследователь, сосредоточивший свои усилия на подводной лодке, напоминает мне врача, который, выйдя в коридор, выискивает среди пациентов знаменитость и принимает ее вне очереди, пренебрегая остальными страждущими. Однако гонка за славой и деньгами, в которой сегодня, к сожалению, участвуют многие ученые, занимающиеся затонувшими кораблями, направляет их на путь сенсационности. Еще вчера было бы достаточно просто подводной лодки. Но их находят и другие. Нужна, что называется, изюминка. И вот газеты печатают – ведущая показала в камеру пару вечерних газет с крупными фотографиями обозначений «С» и «28» – снимки, доказывающие, что наш сегодняшний гость Сорен Морель опять обошел соперников на повороте. Его субмарина – необычная. Ведь в период войны советские подлодки не имели обозначений. Здесь я предоставляю слово нашему эксперту, коммандору Леннарту Линдбладу из штаба ВМС Швеции.

– Берусь утверждать, что в данном случае речь идет о фальсификации, – мягко, в новом стиле «открытости и гуманизма», который в последние годы активно использовало в общении с гражданским обществом военное ведомство, заметил коммандор. Он с укоризненной улыбкой, точно добрый учитель на нашалившего ученика, взглянул поверх очков на Сорена Мореля. – Вот у меня здесь копия приказа по ВМС Советского Союза о закрасивании всей внешней маркировки подводных лодок. А вот – иллюстративный материал. Это подлодки советского Балтийского флота на базах в Лиепае и в Кронштадте. Все сделаны в конце 1940 года, как свидетельствуют подписи. Видите, обозначения белой краской на рубках. Вот здесь – две лодки серии «С», средние. На рубках – буква «С» и номер. Здесь – субмарины серии «Щ». На рубках – буквы «Щ» и номера. А эти снимки сделаны осенью 1941 года в Кронштадте и на Неве, в Ленинграде. На рубках – никаких обозначений. Очевидно, на найденной подлодке не могло быть даже выполненных краской надписей. Трудно представить, что кто-то нарушил бы приказ Сталина! Однако в данном случае кое-кто пошел еще дальше, доказывая, что лодка несла обозначения, вырезанные из латуни. Ярko с точки зрения привлечения внимания СМИ, но довольно дилетантски, если подвергнуть находку даже поверхностному историческому анализу.

– Я не стану вступать в дискуссию по поводу сталинского приказа. Я сам читал о распоряжении закрасить все обозначения, – угрюмо заметил Сорен. – Но что есть, то есть. У корпуса лодки я обнаружил латунные знаки. Вероятно, они были приклепаны и отвалились со временем. Я поднял с разрешения кальмарского губернского антиквара цифру «8» и собираюсь в ближайшие дни отправить ее в лабораторию для проведения анализа металла. Возможно, удастся по его составу приблизительно установить, на каком заводе в Советском Союзе и в какой период был отлит этот сплав. Тогда исчезнут подозрения, что я сам выточил их в гараже, чтобы поразить газеты.

– Или что те же ребяташки, которые «поймали» вас на стрелу, якобы указывающую на «Юпитер», разыграли всех еще раз, опустив возле подлодки металлические наживки, – покровительственно рассмеялась ведущая, призывая аудиторию снисходительно отнестись к опростоволосившемуся исследователю.

– Мы проверили, кем работают родители подшутивших над вами школьников. У одного из них, Стефана Холла, отец рыбак. Вы ведь рассказывали в интервью, что в поисках лодки

руководствовались указаниями рыбаков, у которых за что-то цеплялся трал в этом квадрате. Может быть, именно отец Стефана подсказал вам, где искать советскую подлодку? Может быть, он и сам сумел определить, какой подводный объект рвет его сети? Глубина там небольшая, а у рыбаков сегодня тоже есть сонары.

Сорен Морель был повержен. Он еще пытался защищаться, но при этом понимал, что доводы оппонентов выглядят куда убедительнее его собственных. Любой, откровенно говоря, поверил бы скорее ведущей и ее советнику в форме, чем человеку, бубнящему, что столкнулся на дне с фактом, который он и сам объяснить не может.

Репутацию мог спасти лишь лабораторный анализ состава металла, из которого была изготовлена «восьмерка», однако когда Сорен вернулся домой, его ждал еще один удар. Сара встретила его у калитки, чего с ней в горячие майские дни садовых работ обычно не случалось (Сорен периодически брюзжал, что весной он чаще видит попу жены, склонившейся над грядкой, чем ее лицо), и, протянув ему две черные таблетки неврола и пластиковый стаканчик с водой, безапелляционным тоном приказала:

– Немедленно выпей.

– Из твоих рук – хоть цикуту, – пробормотал Сорен и послушно проглотил горькую жидкость. – Действительно, сердце что-то зашевелилось. Видела, как меня там полоскали? Ну ничего, я отправлю нашу восьмерку в лабораторию Института сплавов в Германию, и эта бывшая девчонка-гарзанка еще успеет извиниться, прежде чем уйдет в декрет.

– Сорен, – медленно произнесла жена, обняв его за плечи. – Лаборатории – только ты не волнуйся – не будет. Кто-то забрался в гараж и украл знак. Думаю, это произошло, когда я смотрела передачу. Тоби залаял и стал царапать дверь, хотел выскочить наружу, но я его заперла в ванной, чтобы не мешал. Подумала, его опять беспокоят барсуки, устроившие нору под домом.

– Ты сообщила в полицию? – машинально спросил Сорен, все еще отказываясь осознать факт пропажи.

– Конечно. Дежурный сказал, что сейчас вышлют. Я обрадовалась, спросила: неужели наряд с собакой? Он ответил, что не с собакой, а с почтой, и не наряд, а бланк заявления об ограблении. Сказал, что это дело для страховой компании, а не для них. Я и в страховую компанию позвонила, но нам ничего не светит. Собственный риск – полторы тысячи крон, а знак они оценивают по весу металла и его биржевой стоимости.

– Сара, прекрати этот дурацкий отчет! – взмолился Сорен. – Я знаю, когда ты нервничаешь, в тебе пробуждается твоя немецкая пунктуальность, но лучше бы еще раз перемыла тарелки, чтобы успокоиться. Придется снова нырнуть на лодку и взять пробу металла с другого знака. Я не могу позволить, чтобы об меня так просто вытерли ноги на глазах всей Швеции.

Сара, подняв голову, пристально посмотрела в глаза мужу и произнесла тусклым голосом:

– Нырнуть не получится. Ты забыл свой мобильник дома. Звонил твой приятель Лейф Шьостранд из Кальмарского губернского управления, сказал, что принято решение запретить погружения на эту подлодку под предлогом того, что там могут находиться взрывоопасные предметы. Они так торопились, что даже не дождались его возвращения из отпуска. Он сам не понимает, что за вожжа им под хвост попала. На территории губернии полно затонувших судов, в том числе военных, но на них запрет не распространяется.

3

«Когда мы возвращаемся из дальнего пути, то каждый раз стараемся по Невскому пройти», – слова этой бодрой песенки из ушедших советских времен всплыли в Юриной голове, когда он вдруг обнаружил себя шагающим по Лиговке в сторону Невского, хотя это и был солидный крюк. Проще было двинуть от автовокзала по Обводному до Звенигородской, выскочить на Садовую, прогуляться мимо дома на Казначейской, где Раскольников покончил со старухой-процентщицей – прильнуть, так сказать, на бегу к великой русской литературе, – и дальше направиться уже по каналу Грибоедова к Львиному мостику. Однако если ты три года безвылазно прожарился в Шарм-эль-Шейхе, а затем, как выброшенная на берег рыба, полгода обсыхал в Таллине, дожидаясь очередной спасительной волны, свидание с Питером следовало начинать с Невского. В это воскресное утро город еще спал, вонь выхлопных газов не заглушала свежий запах тянувшего с Невы холодного ветра. Казалось, где-то вдалеке распахнулась дверца гигантского холодильника. Юра вдохнул невскую ледяную сырость и задержал ее в себе, как делал еще в детстве, предвкушая приключение. В начале мая в центре устанавливалась собственная локальная температура, на несколько градусов ниже той, что была на далеких от воды северных и южных окраинах, и учебный процесс в эти дни резко замедлялся. До учебы ли было, когда по Неве потоком шли сокровища, принесенные с Ладоги! Пик «ледоходной болезни» пришелся на пятый класс, когда школа на неделю превратилась в пункт сбора и обмена трофеями, добытыми с проплывавших по Неве льдин. Однажды они, желая пугнуть девчонок, притащили ржавую зажигательную авиабомбу, и директриса вызвала саперов. Оказалось, что зажигалка была пустой и служила кому-то на Ладоге бакеном, но административные меры были приняты: в следующем году Нева уже не вызывала такого ажиотажа. А может, все дело в том, что они просто выросли, не передав свою страсть по наследству новым поколениям младшеклассников.

Юра представил, как по реке идет, напирая на быки перед мостами, мощный ладожский лед, уже потерявший в городской черте свою природную окраску, побитый цивилизацией, оскорбленный набросанными на него пустыми пивными банками и пластиковыми бутылками, но еще хранящий свою дикую силу. Льдины в детстве казались ему зоопарковскими белыми медведями, сбежавшими из вольера и теперь пробирающимися к себе на родину на Северный полюс. А где его родина? Этот город, часть незнакомой страны под названием Россия? Или, может, игрушечный Таллин, столица столь же чуждой ему Эстонской Республики? «Наша родина везде – на тридцатиметровой глубине», – как написал ему в поздравительной открытке в прошлом году в Шарм-эль-Шейхе коллега, инструктор по дайвингу Серега с Украины, еще один продукт советской цивилизации, подаривший себе на день рождения гражданство маленькой банановой республики, успешно торговавшей по всему миру своими не требующими западных виз паспортами.

Невский, перетянутый рекламами-растяжками, заляпанный разноцветными вывесками бутиков и обменников, вызывал чувство жалости. Он напоминал европейского профессора, который давно попал в плен к дикарям и теперь, потеряв всякую надежду на освобождение, натужно подражает их облику. За три года, насколько Юра помнил, естественная экспозиция под названием «Вперед, к капитализму!» успела почти полностью обновиться. Там, где раньше было кафе, уже красовались мускулистые манекены магазина спортивной одежды, место лопнувшего банка занял некий фонд со столь респектабельным названием, что это вызывало подозрения в его долговечности. У дверей еще закрытой аптеки (эти заведения повылезли вдруг в несметном количестве, поддерживаемые обуявшей людей страстью к самолечению – симптомом коллективной психической травмы) расположилась на отдых стая бродячих собак. Старые

знакомые, они были здесь и в прошлый его приезд, давая хоть какое-то ощущение стабильности. Правда, вывеска над ними тогда была другая – кажется, «Казино».

А вот и Фонтанка. «Фон Танка», – выплыло из прошлого. «Все думают, что Фонтанка так названа потому, что отсюда брали воду для фонтанов Летнего сада, – заговорщицки просвещала его когда-то бабка, – но твой дедушка выяснил, что на самом деле речку назвали в честь японского поэта, побывавшего при дворе Петра Великого. Он поразил императора стихотворением, танкой, и тот присвоил ему баронский титул «фон», дав имя «Танка». Потом это, конечно, забылось. Людям свойственно все упрощать».

Зачем сейчас бабка вызвонила его из Таллина? Как всегда, она была интригующе загадочна, отказавшись сообщать о деле по телефону. В другое время Юра отговорился бы срочными делами, но сейчас ему так захотелось вырваться из плесневелого закутка букинистического магазинчика, где он приходил в себя после своей шармэльштейховской катастрофы, что бабкин звонок показался спасением. Что угодно, лишь бы не очередной унылый день копеечной торговли потрепанными женскими романами и детективами, каждый из которых он брал за шкурку и встряхивал на предмет обнаружения застрявшей между страниц любопытной закладки: старой упаковки от опасной бритвы, бутылочной наклейки или редкого бумажного фантика. Коллекционеры иногда платили за эту ерунду больше, чем мог дать целый шкаф, набитый разномастной книжной макулатурой.

Знакомый четырехэтажный желтый дом у Львиного мостика. Львы на месте – стоят, вцепившись зубами в стальные тросы. Сколько ночей в детстве он вскакивал с кровати, чтобы застать их покидающими свой пост! Пару раз он даже заснул у окна, ожидая чуда, и обычно строгая бабушка в тех случаях даже не подумала ругать его за нарушение режима. Еще бы, ведь своим поступком он оживлял великую тень! По дедовой легенде – опять же, в изложении его верной оруженосицы-бабушки – звери один раз в год выплевывали цепи и отправлялись охотиться на кошек. Отпускную давал им заколдовавший их африканский шаман, оказавшийся проездом в Петербурге. Он поиздержался и потому взялся отлить чугунные фигуры для мостика. Колдуну было лень заниматься чуждым ему делом, а может, он и не умел, вот он и украл в цирке-шапито львов, обратив их в изваяния. Мама запомнила, что шамана звали Орт. Бабушка рассказывала, что дед, кормя с ложечки капризную малышку, требовал: открой рот, открой рот, не то придет шаман и заберет тебя. «Рот» в детском сознании трансформировался в «Орт». Страшный африканский колдун получил имя.

На входных дверях рядом со стандартной металлической табличкой с номерами квартир красовалась нарисованная мелом девятка. Странно, но все, что так или иначе оказывалось связанным с дедом, приобретало печать вечности, даже эти каракули мелом. На самом деле бабушкина квартира числилась под седьмым номером, но посторонний, пожелавший ее посетить, упирался в наглухо заколоченную дверь, которая вела в крошечную подсобку, принадлежавшую ЖЭКу. А бабушка жила этажом выше, в безымянной квартире под «нелегальным» девятым номером. Путаница произошла в начале пятидесятых, когда дом, пострадавший от авиабомбы, поставили на реконструкцию. По документам нынешняя подсобка прошла как седьмая квартира, а бабушкино жилище вообще выпало из плана. Когда она в 1953 году, после смерти Сталина, вернулась из ссылки домой, что-то менять уже было поздно: бюрократическая стена оказалась непреодолимой. «Настоящий» номер квартире так и не присвоили, и почтальоны-новички, не знакомые с кафкианской ситуацией, упорно совали корреспонденцию, адресованную гражданке Ольге Николаевне Берг, в жилконторовский ящик. Меловая девятка на парадной и соответствующий почтовый ящик появились в результате усилий МГБ. Даже это могучее ведомство не сумело пробить бабушке официальный номер, добившись лишь эрзац-девятки. В 57-м, когда Ленинград наводнили иностранцы, направлявшиеся на московский фестиваль молодежи и студентов, в бабушкину безымянную квартиру позвонил некий швед. Он говорил по-русски с каким-то уж чересчур старательным акцентом, передавал ей

приветы от мужа, который официально числился пропавшим без вести с 1942 года, и соглашался переправить тому письмо. Бабушка сразу заподозрила, что это «швед с Литейного», иначе дальше подсобки под седьмым номером он бы не дошел, но нейтральную записку написала. А вскоре в Первый медицинский, где она преподавала, явился «один из этих», подтвердил, что ее муж жив, и предложил завязать с ним переписку. «Вы – советский научный работник и должны нам помочь вернуть супруга на родину, – инструктировал Ольгу Берг обладатель серого китайского плаща, в которых в те годы любили расхаживать «эти». – Александр давно вас забыл, иначе не променял бы такую красивую женщину на границу, но он человек романтический и любит Ленинград. Давите на ностальгию, припоминайте ваши любимые уголки – ну, не мне вам рассказывать, как излагать. Мы знаем, что вы человек литературно одаренный. Мы найдем способ передать ему ваше письмо».

Бабушка, все эти годы жившая уверенностью, что ее муж погиб вместе со своей «эской», решила, что органы просто решили прощупать бывшую эчку перед намечавшейся поездкой в Польшу на конференцию.

«И я этого Петра Петровича, или как он там представился, – рассказывала она со смехом в уже перестроечные годы, когда страх несколько отпустил, – попросила тогда об одной услуге. Присвойте, говорю, моей квартире нормальный номер. Ведь когда мне из-за границы послание придет, нехорошо получится, если его в жилконторовский ящик кинут. Придется сантехников к секретной операции подключать. Петр Петрович обещал помочь, и так меня сделали обладательницей мелового номера. Вы представляете, даже это могущественное ведомство, от которого тряслась вся страна, не смогло устроить мне нормальную цифру! Полный бардак. Не удивительно, что все развалилось».

Как бабушка и предполагала, переписка так и не наладилась, хотя она и передала куратору два письма, заполненных банальностями. В Польшу ее не пустили, вероятно, расшифровав строки «у нас дома все по-прежнему» как признак неблагонадежности, но девятка мелом осталась. Периодически ее даже подновляли жилконторовские, в генетической памяти которых осело, что эта цифра связана с делом государственной важности, за которым стоит страшный Литейный.

– А, иностранец, приехал все же. Ну, как тебе наша немытая Россия? – в голосе бабушки слышалась все та же немного высокомерная ирония, с которой она общалась с единственной дочерью и которую в последние годы перенесла на внука.

Из глубины квартиры доносился вечный Паваротти. Бабушка, ярая поклонница оперы, «сидела на патефонной игле», как сама признавалась – «добирала красоту за серые лагерные годы». На столе в гостиной лежал апрельский журнал «Дайвер», развернутый на странице с рассказом о подводном публичном доме в Шарм-эль-Шейхе и соответствующими фотографиями: красотка в акваланге призывно машет ручкой с резиновой кровати, якоря на растяжках крепят ложе к песчаному дну. Девушка прижата к кровати тяжелым водолазным поясом. Второй снимок запечатлел клиента заведения – тоже в снаряжении – который протягивает кредитную карточку толстой бандерше, восседающей верхом на каменном сфинксе. Хозяйка удерживается на месте благодаря широким резинкам пояса от колготок, концы которых, снабженные карабинчиками, крепятся к торчащим из тела сфинкса кольцам.

– Литератор, нечего сказать, – бабка брезгливо ткнула пальцем в журнал. – Дед твой стихи писал, а ты – это вот... Мать сказала, выгнали тебя за твое творчество из буржуинии.

– Выгнали, – покорно признал Юра. Во внутреннем кармане куртки лежала рецензия Министерства внутренних дел Египта на его статью, выполненная в виде красного штампа с надписью на английском о запрете въезда в страну. – Слишком они там серьезные, шуток не понимают. Тут же написано: «Первого апреля на знаменитом египетском курорте открылся подводный дом свиданий». По-моему, весь мир уже знает про «первое апреля – никому не верю»! Обычный розыгрыш...

– И что, удалось это объяснить потомкам фараонов? Если не ошибаюсь, апрель у них соответствует месяцу фар-мути, названному в честь грозной богини Эрмути. Это период засухи, шему. Чему уж тут радоваться! Вода из Нила уходит, голод стучится в двери, – бабка подошла к книжному шкафу, возвышавшемуся до самого потолка, и, прицелившись в ряды корешков, точно вытянула «Легенды и мифы Древнего Египта». – Ты бы хоть немного просвещался, иностранец. Почитай, книжка легкая даже для вашего компьютерного поколения. Издательство «Детгиз» для среднего школьного возраста.

– Опомнись, какая Эрмути! Там арабы, ислам. Никаких Эрмути и прочих Осирисов. Уж сколько столетий – сплошной Мухаммед, которого даже изображать запрещено, – Юра внезапно прервал свою тираду, понял, что толку не будет. Ясно, что бабка заранее срежиссировала свой спектакль, хотела лишний раз показать его никчемность.

Иностранцем она стала называть Юру в 91-м, когда Союз развалился и дочка с сыном оказались жителями независимой Эстонии. Мать, работавшая медсестрой, предпочла остаться в однокомнатной хрущевке провинциального Палдиски, быстро пришедшего в упадок после вывода оттуда российской военно-морской базы. Но не возвращаться же в квартиру на Фонтанке, под неослабный пресс единственной жрицы великого и загадочного Александра Берга. Юре в Питере тоже делать было нечего: их команда из клуба дайверов «Вирония» локализовала место гибели голландского парусника XVII века возле острова Найсаар, в еще недавно закрытой погранзоне, и на очереди было еще несколько интересных объектов. Бросать Балтику ради неизвестной России, вновь, как во времена Ивана Грозного, отрезанной от «большого» моря, он не собирался.

Иностранец, так иностранец. В последние годы он даже привык к своему имени в его эстонской транскрипции – «Юри». По крайней мере, оно не заставляло чувствовать себя персонажем бородатого анекдота. Кому сказать, что человека, рожденного в циничном 70-м году, в разгар глухого брежневского безвременья, назвали в честь первого советского космонавта! Он невольно попадал в глупую компанию всех этих Виленов и Рэмов, детей романтических 60-х. Бабка давила его дедом, а мать, желая потрафить папаше, который все равно на ней не женился, навесила на отпрыска еще гагаринскую гирию: будь, мол, сынок, достоин лучших свершений великой страны. «Я всю жизнь помню тепло одного-единственного тела, мне этого достаточно. Ты же меняла мужей как грелки», – эту бабкину фразу, одну из многих в арсенале подавления единственной дочери, Юра помнил с детства.

К моменту, когда уселись за стол, они уже успели поругаться и помириться: Юра, привычно отомстив за иностранца, сообщил, что в Таллине на улицах чище, народ не пьет из горла пиво и водители соблюдают правила дорожного движения, а бабушка срезала его недобитыми эстонскими фашистами, сюжет о которых она недавно видела по телевидению, и критическим анализом привезенного из Эстонии гостинца: шоколадных конфет знаменитой кондитерской фабрики «Калев».

– Смотри-ка, вот это – наш «Мишка косолапый», а это – «Белочка»! – демонстративно изумилась бабушка, разглядывая обертки. – Надо же, сохранили советское кондитерское наследие, а говорят, что им от России был один только вред. Вот только медведи какие-то мелковатые, да и белочка с признаками дистрофии. Даже несчастных зверушек под масштабы страны подогнали.

В общем, обмен впечатлениями закончился по нулям.

Юру ждала яичница с беконом, а бабушка тушила свою жгучую язву жидкой овсянкой. Она ела кашу, держа ложку у самого основания черенка: это была вьевшаяся на всю жизнь тюремная привычка. Арестантам давали укороченные столовые приборы, чтобы они не могли сделать из них заточки.

– Я попросила тебя приехать потому, что нашлась лодка твоего деда, – торжественно сообщила бабушка. – Вот, прочитай.

Она протянула Юре «Комсомолку» за прошлую неделю. В обведенной красным фломастером заметке под заголовком «Последняя стоянка С-28» говорилось следующее: «Могила подводников, ушедших на дно со своими кораблями, почти всегда анонимны. Их серийные стальные гробы не несут никаких знаков отличий, и покоящаяся на дне субмарина времен Второй мировой войны часто навсегда остается загадкой. Но эта подлодка прорвала завесу времени, послав в будущее сигнал SOS, не нуждающийся в расшифровке. На ее рубке сохранились вырезанные из латуни обозначения “С-28”. ”Эску” обнаружил известный шведский исследователь затонувших кораблей Сорен Морель. Лодка покоится на глубине 26 метров недалеко от острова Эланд и несет в себе тайну. Согласно официальным сведениям, ”С-28” отправилась в свой последний поход в августе 1942 года для постановки мин в Ирбенском проливе на выходе из Рижской бухты. Почему она пересекла Балтику и оказалась у Эланда – неизвестно. Одно из вероятных объяснений предложил коммендор в отставке ВМС Швеции Кент Шьестрем. По его словам, советское командование направляло подлодки к берегам Швеции для торпедирования судов, занимавшихся перевозкой шведской железной руды в Германию, однако этот факт тщательно скрывался Москвой. Ведь Швеция была нейтральной страной.

Еще одна странность – наличие обозначений на рубке. Известно, что с началом войны Сталин издал приказ, согласно которому номера, обычно наносившиеся краской, следовало замазать. Как нам рассказали в Главном штабе ВМС России, возможно, речь идет об упущении. Нам не хотелось бы верить в версию, предложенную шведскими военными. На телепередаче, посвященной необычной находке, Сорена Мореля обвинили в недобросовестности. Якобы он специально подложил знаки “С”, “2” и “8” к лодке, чтобы привлечь к ней внимание СМИ и заработать на своем открытии. Специалистов удивляет и то обстоятельство, что оба люка лодки – носовой и кормовой – оказались открыты. Это категорически запрещено во время походов и, как сообщили “КП” в ленинградском клубе ветеранов подплава, подобная небрежность иногда допускается лишь в условиях полной безопасности на родной базе».

Подписала заметку собственный корреспондент «КП» в Стокгольме Н. Алексеева.

Юра вообще-то скептически относился к современной прессе, но тут был вынужден констатировать, что в крошечный объем эта Н. Алексеева вложила максимальное количество информации и все – по делу.

– Теперь ты найдешь лучшее применение своей лакейской профессии, чем обучение нырянию разных нуворишей на модных курортах, – сказала бабушка в своей обычной пренебрежительной манере. – Тебе нужно поехать в Швецию и достать со дна у подлодки горсть земли. Наконец-то у твоего деда на Серафимовском кладбище будет что-то подобное могиле. Я уже заказала памятник.

Замешательство на лице Юры она истолковала по-своему и положила на стол потертое кожаное портмоне:

– Ты мог бы сделать это бесплатно, все же ты мой единственный наследник и все это – взмахом руки она обвела комнату – достанется тебе, но я знаю, что в вашем мире все меряется на деньги. Поэтому я кое-что продала. Здесь пятьсот долларов. Думаю, этого будет достаточно.

Откуда эта злость? Каждый раз Юра не мог найти объяснения «берлинской стене», по выражению мамы, которую бабушка воздвигла между собой и ими. Его так и подмывало ответить резкостью, сообщив, что этих денег хватит разве что на аренду катера и снаряжения, за все остальное ему придется платить самому, но он сдержался, щадя ее гордость.

– Хорошо, – сказал он, – но мне нужна хотя бы неделя на подготовку. На лодку в Швеции нырнуть – не в Летний сад прогуляться сходить.

– Спасибо. Я знала, что ты не откажешься, – голос бабушки заметно смягчился. – Пойду сделаю чай, я к твоему приезду пирог испекла. Яблочный, твой любимый.

При упоминании о пироге Юру невольно передернуло: бабушка была никудышной поварихой и кулинаркой, но в приготовлении этого фирменного блюда превосходила свои худшие

качества. На столе ожидалось появление приторно-сладкой плохо пропеченной массы, которую можно было использовать в качестве универсального клея. На конспиративном языке матери и сына это изделие называлось «южным поцелуем». Бабушка рассказывала, что в ноябре 1946 года ее и несколько других эчек отрядили на работу в колхоз и председатель наградил их двумя килограммами сахара и мешочком муки. В лагерь приносить продукты с воли запрещалось, и они устроили пир, пустив весь сахар на приготовление пирога из гнилых падалиц, собранных в саду возле сарая, где их держали.

Бабушка отправилась на кухню готовить чай, а Юра устроился на драной кушетке в бывшей своей комнате, прямо под выставкой, посвященной Бергу, – желтые фотографии, грамоты и прочее (экспозиция домашнего музея навечно заняла место битлов и ролингстоунс, постеры с которыми Юра повесил над койкой в седьмом классе). На специальной полочке под грамотой от 1 мая 1941 года «За второе место по гимнастике на флотских соревнованиях» лежали черные пластмассовые очки со стеклами «-2», дедовы запасные. По версии бабки, их ему вручил сам командующий Балтийским флотом «За отличные стрельбы», причем это событие обсуждалось на всех флотах, от Балтийского до Тихоокеанского.

«Ты только можешь представить, какой силой воли и талантами обладал этот человек, если ему, единственному близорукому, разрешили служить на боевом корабле, тем более субмарине, – не раз говаривала бабка, произнося «субмарина» с каким-то старомодным иностранным акцентом, точно «аэроплан». – Ведь в те времена на советском флоте медицинские требования были высочайшими, это я как врач профессионально утверждаю. Не то что у самураев, где даже летчики-камикадзе в очках летали».

Усилием воли Юра заставил себя отодвинуть тень деда, заполнявшую собой всю квартиру. Он закрыл глаза и в очередной раз попытался понять, что за интригу затеял старикашка Стиг Стремстад, с которым он познакомился в Таллине еще в конце 80-х. Тогда каждый в ожидании апокалипсиса пробавлялся чем мог, от металла до торговли гуманитарными пайками Бундесвера. Юра пристроился в магазинчике военного антиквариата «Солдат удачи» в Старом городе, напоминавшем осенью, когда завершался полевой сезон «черных» поисковиков, пункт приема металлолома. Помещение было завалено ржавыми касками, остовами винтовок и гильзами различного калибра, среди которых рылись финские коллекционеры и начинающие бандюки из местных, еще не скопившие первоначального капитала для приобретения приличного оружия. Обычно они брали копаную дрянь и потом с усердием образцовых пэтэушников доводили ее до ума. Многим это удавалось, если судить по полицейской хронике тех лет: передел собственности происходил с помощью револьверов и ППШ столь жуткого вида и технического состояния, что при нападении одинаково рисковали и жертвы, и киллеры.

Главный бизнес, впрочем, шел не на крупногабаритном металлическом ломе, а на мелочах – немецких наградах и знаках отличия, которые штамповали в бывших мастерских Балтфлота в Палдиски, и листовках, отпечатанных на настоящей старой бумаге в одной литовской типографии.

Тогда и заглянул в магазинчик пожилой шведский турист в темных очках, прослышавший от своих финских знакомых о любопытной лавчонке. Посетитель повертел в руках пожелтевшую немецкую листовку размером с четвертинку тетрадного листа – такие заряжали в пропагандистские мины, – понюхал бумагу и вдруг сообщил на приличном русском языке:

– Хорошая работа. Но края должны быть обгорелые, и не хватает запаха машинного масла.

Юра и проныра-швед понравились друг другу, и уже через полчаса, распивая в подсобке бутылку водки, договорились о совместном бизнесе: швед обещал брать оптом плакаты и листовки, если поставщики доведут их до кондиции. Дело успешно шло около года, пока партнер не лажанулся из-за своей склонности к глупым розыгрышам.

Юра к тому времени уже знал, что старик Стремстад – знаменитый шпион, отмотавший десятилетний срок за работу в пользу ГРУ. СЭПО, где он дослужился до капитанского чина, никогда бы его не расколола, если бы он сам не подставился.

«Юноша, послушайте совета старого волокиты. Никогда не дарите женщинам дорогих подарков. Лучше прослыть скрягой, чем расплачиваться за свою щедрость свободой. Дамы – коварные и злопамятные существа, умеющие очень хорошо считать», – делился Стремстад с Юрой историей своего провала, вкушая эстонскую огненную воду в полюбившейся ему подсобке, заваленной стопками заплесневевших и не находивших сбыта книг мировых классиков («Превосходное напоминание о том, что ценить надо лишь сиюминутные маленькие радости жизни!» – цитата из Стремстада).

У шпиона был долгий роман с секретаршей собственного ведомства, которую он, по его словам, перегрузил подарками. Как выяснилось, дама все это время вела подробный реестр подношений, ей нравилось оценивать силу чувства поклонника в кронах, а также лирах, песетах, фунтах и долларах (во время совместных зарубежных поездок). После разрыва общая тетрадь со списком трат скромного капитана СЭПО, значительно превышавших его жалованье, легла на стол его начальника. За Стремстадом была установлена слежка, завершившаяся одиночной камерой тюрьмы особого режима Халл.

С листовками случилась похожая история. Бывший шпион не мог простить шефу, подполковнику Корнелиусу (уже давно к тому времени вышедшему в отставку), что главную улику, благодаря которой Стремстада упрятали в тюрьму, против него попросту состряпали.

«У меня на квартире якобы изъяли конверт с 50 тысячами долларов – платой советского посольства за мои услуги. Этот конверт с видом Кремля (в выборе сюжета – весь Корнелиус с его мещанской страстью к дешевым эффектам!) был главным гвоздем скандала, и его показывали на телевидении, в газетах. А ведь в него 50 тысяч просто не помещаются, 40 тысяч максимум! Но кому было дело до такой мелочи, если меня решили упрятать за решетку», – возмущалась «жертва судебного произвола».

Подполковник Корнелиус гордился своей «типично скандинавской» внешностью и жалел, что шведский типаж уходит в прошлое под наплывом брюнетистых эмигрантов из третьего мира, «которые только и умеют, что совращать наших девушек». У подполковника это было наследственное. Его отец, служивший в годы Второй мировой войны в шведском посольстве в Советском Союзе, был большим поклонником Третьего рейха и идей о превосходстве нордической расы. В годы холодной войны и коммунистической опасности «коричневатая» окраска и легкий налет антисемитизма главы контрразведки считались в определенных политических кругах надежной защитой от проникновения в организм СЭПО красной бациллы. А когда с распадом Советского Союза ветры изменились, Корнелиус достиг пенсионного возраста.

К 70-летию босса Стремстад подготовил пакость в духе школьного хулигана. Он уговорил неплохо рисовавшего Юру чуть переделать одну из фашистских листовок, изображавшую крючконосого семита с наганом, посылавшего на смерть красных бойцов. Надпись гласила «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича».

Физиономия политрука за пять минут работы стала напоминать лицо Корнелиуса, и несколько обновленных листовок, напечатанных в литовской типографии на старой бумаге, были за копейки проданы одному полковнику-коллекционеру, которого Корнелиус пригласил на юбилей.

Вероятно, полковник, а вслед за ним и другие знакомые юбиляра сумели сделать необходимые Стремстаду выводы из сравнения гордого нордического профиля именинника с изображением политрука на листовке, если реакция пострадавшей стороны оказалась столь сильной и абсолютно не адекватной невинной шутке. Уже через неделю в военный магазинчик явился некий ответственный господин и сообщил, что если заведение не прекратит распространять

бумажную продукцию, пропагандирующую нацизм, его закроют. При этом глаза посетителя равнодушно скользнули по полке, набитой поддельными часами-луковицами с изображением Гитлера на циферблате. О часах, вероятно, просьба из Стокгольма не поступило.

К счастью, к этому времени старый шпион и Юра придумали новый заработок: тогда уже появилась первая поросль новых русских, мечтавших подкрепить свое богатство благородным происхождением. Юра установил контакты с одним из недавно появившихся Дворянских собраний, чей представитель, называвший себя отпрыском знаменитого рода, сливал ему за небольшое вознаграждение информацию о слишком нахальных соискателях, не сумевших со своими «свинными рылами» найти подход к истинным потомкам старинной российской знати, каковые со свирепостью бывших райкомовцев проверяли кандидатов на приемной комиссии.

Несостоявшимся «голубокровным» предлагалось войти в сообщество русских князей и графов с западного черного хода, приобретя красивую грамоту Шведского дворянского собрания, удостоверявшего, что обладатель сего документа является бароном или графом – в зависимости от уплаченной суммы.

За шведскую часть проекта отвечал Стиг Стремстад, зарегистрировавший ради такого дела компанию «Шведское благородное собрание АВ». Бизнес рухнул, когда о конкурирующей фирме узнало настоящее Шведское благородное собрание, без скромного окончания «АВ». На Стремстада подали в суд, а газеты припомнили ему не отмоленные грехи перед родиной: шпионаж в пользу Советского Союза в далекие 70-е, бегство из тюрьмы во время первой отсидки и досрочное освобождение из второй – в результате умелой симуляции умственного расстройства.

«Майор ГРУ Стремстад внедряет агентуру КГБ в ряды шведского дворянства!» – клеймили Стига журналисты вечерней газеты.

– Один заголовок содержит сразу три лжи. Это хуже, чем писать русское «еще» как «исчо», – жаловался Юре партнер по бизнесу, неплохо изучивший русскую грамматику за годы своей жизни в Советском Союзе. – Во-первых, я не майор, а полковник ГРУ, об этом знает вся Швеция. Эта вонючая газетенка решила меня таким образом унижить. Во-вторых, я никогда ничего общего с КГБ не имел, работая исключительно на ГРУ. К большому моему сожалению, кстати, поскольку «контора» своих людей не бросает на мели, как это сделали со мной ваши военные разведчики. Ну и, наконец, третья ложь. Ведь ты, мой юный друг, и сам прекрасно знаешь, что в КГБ никогда не стали бы иметь дело с тупыми отбросами, которым мы вынуждены за гроши искать благородные шведские корни.

От потрясений старина Стиг получил инсульт и для продолжения сотрудничества стал непригоден. А в середине 90-х Юра и сам завязал с сомнительным бизнесом, устроившись инструктором по дайвингу в Шарм-эль-Шейхе. Наконец-то пригодились навыки, полученные в Дзержинке, откуда его выперли со второго курса.

И вот, спустя почти пять лет, шведский знакомец неожиданно выплыл вновь. Стиг позвонил Юре в Таллин и разговаривал так, точно они расстались вчера. Его слегка замедленная речь и трудности в произнесении некоторых звуков выдавали следы инсульта, но в остальном он казался вполне здоровым.

– Я бы всем советским агентам порекомендовал обзавестись на старости лет шведским гражданством, – бодро прошепелявил Стремстад, – если бы в свои лучшие годы я знал, что в моей стране такие хорошие реабилитационные программы для инвалидов, то, возможно, я бы не стал продавать наши секреты Москве... Уж во всяком случае поднял бы цену.

«Циничная сволочь!» – почти с нежностью подумал Юра, обрадовавшись, что шпион не только жив, но и, судя по всему, ищет на свое седалище новых приключений.

Так оно и вышло. Стремстад сообщил, что недавно снова женился – в пятый или шестой раз в жизни – и его очередная подруга, 40-летняя медсестра, возвращавшая его с того света

после удара, ждет награды в виде ярких впечатлений, которые неминуемы рядом с «врагом нации номер один», как Стига Стремстада окрестили газеты.

– Бедняжка начиталась о моих прежних похождениях и вообразила себя девушкой Джеймса Бонда. А ей досталась старая развалина, которая передвигается с палочкой и мучается запорами, – грустно сообщил Стиг. – Пришлось, конечно, туманно намекнуть, что еще все возможно, надо только прийти в себя: я еще не совсем выжил из ума, чтобы оттолкнуть романтическую красотку в расцвете лет! Пока же надо впрыснуть в мою глупенькую подружку, чтобы вдруг не протрезвела, немного денег и славы. Вот я и засел за мемуары. Если по делам будешь в Петербурге, окажи мне дружескую услугу за небольшое вознаграждение: посмотри в военно-морском архиве все, что там есть по двум подлодкам, С-27 и С-28. Если что-то найдешь, по почте не присылай, сам привези. Заодно посмотришь, как я тут со своей Перниллой устроился. Поживешь, порыбачишь. А то жалко соседей и жену огорчать. Они ждут не дождутся, когда у меня какой-нибудь русский агент появится. Дорогу, естественно, я оплачу.

Старикашка хихикнул, приглашая собеседника представить, как Юрино появление взбаламутит местное болото. В его тихом Вигбихольме, застроенном виллами и заселенном преимущественно обеспеченными пенсионерами, даже появление полицейской машины, совершавшей рутинный объезд района, являлось событием.

Юра сделал стойку. Какое отношение Стремстад, бывший в войну подростком, мог иметь к этим лодкам? Юра никогда не говорил бывшему шпиону, что на С-28 служил его дед. Случайно ли он обратился со своей просьбой именно к нему?

Нюх у врага шведской нации был собачий. Почувствовав напряжение собеседника, он пустился в объяснения:

– Это будут не совсем обычные мемуары. Я намерен вплести их в более масштабное полотно шведско-российских отношений в XX веке. Ты, возможно, знаешь, что ваши подлодки в войну ходили к берегам Швеции, топили транспорты с железной рудой. В этой необъявленной войне – истоки «субмариновой болезни» шведов в 70-е и 80-е, когда им в каждой всплывшей в шхерах коряге мерещился советский перископ. У меня уже все было подготовлено, по всем лодкам – я сам был в вашем военно-морском архиве в Гатчине, когда жил в Советском Союзе и от нечего делать решил заняться историей, а тут взялся перебирать бумаги и обнаружил, что крысы тоже интересуются прошлым. Пока я лечился, они у меня на вилле в гараже устроили гнездо и сожрали часть материалов. Что-то удалось восстановить, но документы по С-27 и С-28, увы, исчезли в желудках тварей полностью.

Юра, конечно же, не поверил в объяснение. Стиг, насколько он его успел узнать, никогда не интересовался прошлым, если с его помощью нельзя было сострять какие-то сегодняшние выгодные делишки. История походов советских подлодок к шведским берегам была для него слишком академичной и лишенной перца. «Я – типичный человек средневековой культуры или сегодняшней африканской, – не раз говорил отставной шпион. – Не оглядываюсь в прошлое и не планирую будущее. И то и другое туманно. Живу сегодняшним днем».

Конечно, Юра, даже не будь интригующего разговора со Стигом, все равно отправился бы в Швецию. Дед преследовал его всю жизнь, невольно ее формируя. Так было и в детстве («Опять тройка, стыдно, и это внук старшего лейтенанта Берга!» – возмущенный голос бабушки), и в юности. Даже в Дзержинку он поступил, а потом был вышиблен из нее по милости «великой тени». Когда Юра учился в старших классах, мама, как всегда, выскользнула из-под бабкиной опеки с очередным мужем, на этот раз с инженером судоремонтного завода в Палдиски, оставив сына почти на три года один на один с «хранительницей музея Берга». Деваться было некуда, только Дзержинка. Юра должен был продолжить династию героя-подводника.

На втором курсе его пригласил к себе «клоун», как звали училищного старлея-особиста за его страсть к переодеваниям, – он являлся то в форме танкиста, то летчика, то моряка.

Наверное, сбивал невидимого врага со следа, хотя зеленый китель среди моря черных шинелей лишь привлекал к нему внимание.

За бронированной дверью особого отдела Юру ждало приглашение к сотрудничеству. «Какие-то парни в спортивных костюмах грабят ларечников в этом районе. Стрижка короткая. Есть информация, что наши. Сам понимаешь, лучше это дело в стенах училища по-тихому решить, пока их милиция не поймала. Так что вот тебе комсомольское задание – присмотришься. Разговоры в казарме наверняка ведутся. Кто-то электроникой приторговывает, на девушек в увольнении много тратится. Я понимаю, миссия не слишком-то на первый взгляд приятная. Мол, своих закладывать. Но ты будущий офицер и должен знать, что есть высшие ценности. Долг, честь мундира. Представь, какой позор будет для всей Дзержинки, если первой подонков возьмет милиция», – Юра сидел, опустив голову, но чувствовал, что Клоун (в тот раз на нем был китель с алыми общевоинскими петлицами) пристально смотрит на него, пытаясь проникнуть в его «психологию». Голос его был задушевным, мягким. Наверное, как и все они, воображал себя Штирлицем, вербуящим пастора Шлага.

– Почему вы меня выбрали? – Юра не узнал своего вдруг охрипшего голоса, дрожавшего от обиды: неужели в его лице, поведении было что-то такое, что позволило выявить в нем потенциального стукача, обнаружить черты, о которых он и сам не знал?

– Потому что с тебя спрос особый. Ты ведь в некоторой степени в училище условно принят. Внук героя-подводника – это, казалось бы, плюс. Мы приветствуем морские династии. Но ведь с твоим дедом до сих пор не все ясно. Лодка-то пропала без вести. По нашим данным, он один спасся и остался в Швеции. Вопросов к нему было много. Вот так-то. Что ты голову-то повесил? В глаза смотри. Тебе самому стыдиться нечего. В налетах тебя не подозревают, там рослые ребята действовали. А что касается деда, так еще Сталин сказал, что сын за отца не отвечает. Просто есть на твоей семье пятно, и у тебя появился хороший шанс это пятно смыть, – голос особиста лился плавно, убеждающе, и Юра почувствовал, что начинает обдумывать его слова. Действительно, таинственный дед имеется, да и эти парни настоящие бандиты, долг любого нормального человека их остановить...

Выход был лишь один – немедленно выскакать из мышеловки. Никаких «Я подумаю» тут не срабатывало. Затянет, как в омут. Он уже слышал ответ: «Хорошо, подумай, конечно. Давай через недельку снова встретимся».

– Я стукачом не стану. Разрешите идти? – Юра поднялся, и рефлексии сразу оставили его – будь что будет.

– Идите, курсант, – процедил Клоун. – Только имейте в виду, с нами так не разговаривают. Пожалеете.

Расплата пришла через полгода. В один прекрасный день Юру вызвал ротный и сообщил, что ВМС сокращаются и такое количество подводников стране более не нужно. В первую очередь увольняют курсантов из Прибалтики и других ставших независимыми республик.

– Но я ведь в Питере прописан, у бабушки, – воскликнул Юра.

– Мать у тебя в Эстонии, значит, и ты из Прибалтики. Можешь идти, – ротный уставился в стол и барабанил пальцами по лежавшей перед ним стопке личных дел, было видно, что продолжать неприятный разговор он не намерен, да и бесполезное это дело.

«Эстонец, так эстонец», – с ожесточением подумал Юра. Он считал, что его все предали, в том числе и бабушка со своей «иконой». Стоило всю жизнь давить дедовым авторитетом, чтобы ему потом бросили в лицо: «Лодка пропала с экипажем, а он сбежал в Швецию».

Юра уехал в Палдиски, к новой жизни. Ему казалось, что даже стены питерских домов насмешливо шепчут ему: «Лузер».

В общем, у него были свои счеты с прошлым, и он должен был докопаться до того, что же случилось с С-28 и дедом.

О первом шаге в поисках задумываться не приходилось. Конечно же, Военно-морской музей. Он уже несколько раз был там в последние годы по делам экспедиций «Виронии» и каждый раз обнаруживал что-то полезное. На торжественном фасаде музея, перечеркивая античные колонны, хлопала на невском ветру бело-голубая, цветов андреевского флага, растяжка: «Привет участникам 10-й ассамблеи Морского собрания Санкт-Петербурга! Генеральный спонсор банк "Главный калибр"». Однако вокруг здания было пустынно, в окружении нескольких потрепанных отечественных машинешек, принадлежавших, по-видимому, сотрудникам музея, стоял лишь один чужак, «Хаммер». Видно, продолжатели имперских традиций уже отгуляли или только планировали «прильнуть к прошлому».

Юра проскользнул сбоку, со служебного входа, не обратив на себя внимания вахтера, склонившегося над кроссвордом. Когда он подошел к обшарпанной двери с табличкой «Военно-исторический отдел», та распахнулась, извергнув двух господ, пожилого и молодого. Они явно не относились к категории обычных посетителей, военным отставникам. На них были дорогие костюмы, тот, что помоложе, на ходу тыкал пальцем в экран новомодного смартфона.

– А, эстонец, проходи! Я уж думал, что ты совсем пропал, – из-за ближнего к двери стола Юре махнул рукой его давний знакомый, начальник отдела каперанг в отставке Виктор Валентинович Седых.

Как и большинство стариков, всю жизнь проходивших в погонах, каперанг не нашел в себе сил полностью «переобмундироваться». На ногах у него были черные флотские ботинки, а из-под дурацкого клетчатого пиджака, купленного, вероятно, на развалах «сэконд хэнда», выглядывала форменная кремовая рубашка, почти не ношенная. Советское интендантство, выдавая офицерам ежегодно новые рубашки, явно верило в кавказское долголетие отставников.

– Потомки адмирала Путятина, отец и сын. Сеть закусовых «Сытый фраер», – пояснил Седых, кивнув головой на дверь. По его виду нельзя было понять, говорит он серьезно или иронизирует. – Состоят в оргкомитете ассамблеи «Морского собрания». Видел, конечно, портянку на фронтоне? Такие, брат, времена. Частично самокупаемся. У них там одних потомков Нахимова пять штук. Даже Колчак имеется. Дыбенки на них нету! Ну, а ты с чем пожаловал?

– Вот! – Юра плюхнул на стол бутылку с ностальгической этикеткой «Вана Таллин».

– Спасибо, удружил! Молодость вспомню. Я ведь четыре года в начале шестидесятых в Таллине служил, на тральщике. Сколько мы мин с войны потаскали, не счесть. Только пузырьков этого ликера больше выпито.

Бутылка перекечевала в ящик стола, и Седых приготовился слушать.

– Виктор Валентинович, слышали, наверное, что С-28 моего деда нашли? Я в Швецию собираюсь, может, нырнуть на лодку удастся. Бабушка земли попросила взять, для могилы на Серафимовском. Ну вот, теперь пытаюсь информацию об «эске» собрать, раньше как-то не получалось – произносятся эти слова, Юра непроизвольно посмотрел на большой фанерный чемодан, обитый черным дерматином, стоявший у стены за спиной Седых. Все обращавшиеся к нему за помощью знали, что там хранится «малый архив ВМФ», газетные вырезки, копии приказов и, главное, два десятка общих тетрадей, куда начальник отдела заносил всякую всячину, от адресов и телефонов потомков матросов «Потемкина» и «Памяти Азова» до «казусов», как он выражался, привлекших когда-то его внимание.

– Есть, есть кое-что, – перехватил его взгляд Седых. – Несколько лет назад твоя бабушка у нас была, но ее я не стал посвящать, стальная старуха, у нее обо всем свои четкие представления, казусы ей не нужны.

Седых раскрыл чемодан и, покопавшись в нем, выудил одну из общих тетрадей с вложенной в нее газетной ксерокопией.

– Я этой «эской» еще в 85-м году заинтересовался, когда перешивали подшивку «Красного Балтийского флота» за 41-45 годы. Мне самому воевать не пришлось, пацан был еще,

но опалило, как говорится. Мины на Балтике после войны тралили, тонули, ребят хоронили. Меня самого контузило. В общем, все перечитал, почти как про свое время. И вот что нашел. Взгляни. Ничего не удивляет?

Это была копия первой страницы номера многотиражки за 30 июля 1942 года. Под названием – эпиграф: «Смерть немецким оккупантам». Ниже значилось: «Ежедневная краснофлотская газета Краснознаменного Балтийского флота».

Передовица почти во всю страницу рассказывала о катерниках: «В шторм и под огнем врага краснофлотцы и командиры н-ского соединения катеров бесстрашно и стойко решают поставленные перед ними задачи. На днях катера товарища Бывальцева высадили десант на одном из островов Финского залива...»

Не то. Ниже наивное стихотворение флотского поэта: «И в море, и в гавани узкой, где только ни встретится враг, пускает торпедою русской ко дну его русский моряк...»

Стихотворение было проиллюстрировано не совсем удачно, видно, чтобы просто заткнуть образовавшуюся дыру, плохой фотографией двух стоявших у стенки подлодок, прижатых одна к другой. На рубке ближней к стенке виднелись обозначения С-28. Ее напарница, тоже по виду «эска», неотличимая от первой, несла литеры С-27.

На фронтальных частях рубок обеих лодок имелись еще значки, сделанные, по-видимому, белой краской. На С-28 это была цифра 3, вписанная в звезду, а на ее «напарнице» – пятерка в звезде.

– Ну, что скажешь? – услышал Юра нетерпеливый голос Седых.

– А что я могу сказать? Только то, что есть теперь подтверждение, С-28 действительно воевала с номером на рубке, но только исключение было сделано не для одной лодки, а для двух. Вы читали, конечно, заметку из Швеции?

– Здесь она у меня, эта заметка. В кондуите. Нормальная журналистка, не пошла по верхам, получила объяснение в штабе ВМФ. Только не это главное. Я ведь тоже фотографией заинтересовался, потому что твердо знал о приказе удалить все обозначения. А тут почему-то вывесили. Я прочесал все, что у нас имелось по этой лодке, с ветеранами говорил. В документах ничего не нашел, но один бывший моторист из той же бригады, он сейчас уже умер, вспомнил, что «эски» вроде действительно готовили к переходу на Северный флот, поэтому, мол, и прифрантили. Подарок североморцам от сражающейся Балтики. Пропаганде тогда много внимания уделяли, вот и хотели всему миру показать, что Геббельс брешет, будто весь Балтфлот заперт в Финском заливе. Вроде была даже задумка фотокора в поход отправить, чтобы он снял всплывшие С-27 и С-28 на фоне замка Гамлета в Хельсингере. Потом от идеи отказались как невыполнимой, но обозначения так и оставили. Но вот какая штука. Ты ведь в Дзержинке немного поучился, знаешь, что такое звездочка и цифра?

– Конечно, число одержанных побед, – отозвался заинтригованный Юра.

– Вот именно! – торжествующе провозгласил отставной каперанг. – Здесь-то и заключается казус. С-28 потопила пять кораблей противника, а три – двадцать седьмая «эска».

Либо с номерами сделали рокировку, либо лодки заставили «обменяться» победами.

В комнате повисло молчание.

«Снег белый», – непроизвольно выдохнул спустя мгновение Юра. Эту фразу он придумал и использовал в детстве, чтобы поставить на место перевернувшийся мир. Она напоминала о том, что рядом существует нечто неизменное и надежное. Так было, когда мама сообщала ему, что у него будет «новый папа», или когда он метался в жару и, казалось, летел вместе с вращающейся комнатой в бесконечную пропасть.

– Я, конечно, этого дела так не оставил, – продолжил Седых, насладившись произведенным эффектом, – съездил в архив ВМФ в Гатчине и запросил материалы по С-28 и С-27. Но сел на мель прямо на крейсерской скорости. Ничего у них нет. Все передано в 90-м году, когда страна зашаталась, в спецархив КГБ в Москве. Я поинтересовался, навскидку, что еще в сто-

лицу уехало. В 85-м я закрытую диссертацию писал по морским диверсионным операциям Великой Отечественной. Был один десант 43 года в Крыму. Сорок человек высадили, их немцы и татары обложили, в горы загнали, почти месяц там отсиживались, трое только вышли, остальные полегли. И вот какой неприятный нюанс. Продукты у них кончились, людоедство в группе началось. Немцы потом соответствующие фотографии в своей пропаганде использовали. Я их видел, мороз по коже. Я ведь спецдопуск на эти материалы получал, их и тогда кому ни попадя не выдавали, а в 90-м все по этому десанту Лубянка забрала. Я это к чему? Зачищали чекисты по-крупному перед распадом Союза, понимали, что «спецдопуски зеленого цвета» появятся, с портретами американских президентов, которые почти любое хранилище откроют. Значит, что-то особо чувствительное с этими двумя подлодками было. Ниточка моя оборвалась. Лодки погибли, старики из бригады, которые могли что-то знать, поумирали. Вот так.

Юра распрощался с Седых, покинув музей с твердым намерением докопаться до истины. Дед всю жизнь преследовал его, точно Медный всадник несчастного Евгения, и то, что его исчезновение было сопряжено с какой-то тайной, частично оправдывало «дыхание из могилы», заполнявшее квартиру бабушки.

В руках у него была ксерокопия страницы «Краснофлотской газеты». Конечно, жалкий результат архивных поисков, но все же достаточный предлог, чтобы встретиться со Стремстадом и попытаться выудить у него то, что он знал о двух странных подлодках.

4

Юра не любил аэропортов и самолетов, превращавших любое путешествие в простое перемещение из пункта А в пункт Б. Вот и на этот раз он предпочел добираться из Питера в Хельсинки ночным автобусом с тетками-челноками, скупавшими в Финляндии копеечный товар: стиральные порошки, моющие средства, кофе, швабры и гладильные доски. Все это имелось и в Питере, но товар из Финляндии считался более качественным.

– Нашим «Фэйри» только полы мыть, а финский, девочки, такого качества, что у меня собака нализалась, и ничего, не сдохла, только обделалась! – транслировала на весь автобус кустодиевская купчиха, плюхнувшаяся на сиденье рядом с Юрой. Пахло от нее как от хозяйственного магазина, в который врезался фургон с дезодорантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.